

A movie poster for the film 'We Want to Live!'. The background is a bright, minimalist white space. On the right, a ballerina in a white tutu and pointe shoes is captured in a graceful pose, her right arm raised high towards the top of the frame. On the left, a large, soft shadow of a man in a trench coat and hat, holding a cane, is cast against the wall. The title 'МЫ ХОТИМ ЖИТЬ' is prominently displayed in the center. The word 'МЫ' is in a bold, red, sans-serif font, while 'ХОТИМ' and 'ЖИТЬ' are in a larger, bold, black, sans-serif font with a grainy, textured appearance.

МЫ ХОТИМ ЖИТЬ

ТЕОДОР ХАДСОН

18+

Теодор Хадсон

Мы хотим жить

«Автор»

2026

Хадсон Т.

Мы хотим жить / Т. Хадсон — «Автор», 2026

Когда в московскую квартиру студентки юридического факультета Яны врываются силовики и увозят её дедушку, мирного верующего, привычный мир рушится. После его смерти в СИЗО Яна начинает собственное расследование и шаг за шагом выходит на систему экспертиз, пропаганды и страха. «Мы хотим жить» — напряжённый роман о цене правды, свободе совести и голосе, который способен разрушить стену молчания.

© Хадсон Т., 2026

© Автор, 2026

Теодор Хадсон

Мы хотим жить

Настоящая книга является художественным произведением, в котором вымышленные персонажи и сюжетные линии соединены с упоминаниями реальных исторических событий, организаций, общественных процессов и публичных лиц.

Упоминания реальных лиц, организаций и событий опираются на сведения, существовавшие в открытом информационном пространстве и использованные автором как материал для художественного повествования. Само присутствие реального имени, организации или события в книге не означает, что все связанные с ними сцены, диалоги, встречи, мотивы, обстоятельства, причинно-следственные связи, документы, переписка или действия, описанные в рамках сюжета, происходили в действительности.

Главные герои и значительная часть персонажей книги являются вымышленными. Отдельные сцены, разговоры, внутренние монологи, документы, события и сюжетные связи созданы автором или художественно реконструированы для целей повествования. Если прямо не указано иное, такие элементы не следует воспринимать как документальное свидетельство или достоверное воспроизведение реальных обстоятельств.

Высказывания, оценки, подозрения, сравнения, интерпретации и выводы персонажей отражают их восприятие происходящего в рамках художественного сюжета и не являются сами по себе утверждением автора о доказанной виновности, противоправном поведении или юридической ответственности какого-либо реально существующего лица или организации.

Упоминание в книге общественных споров, обвинений, расследований, судебных процессов и иных спорных обстоятельств не означает признания автором соответствующих обвинений установленными фактами, если их достоверность не следует из прямо обозначенного источника или официально установленного обстоятельства.

Книга не является судебным заключением, официальным расследованием, научной экспертизой или документальной биографией. Её задача — средствами художественной литературы исследовать темы свободы совести, власти общественных ярлыков, институционального давления, человеческого достоинства и ответственности общества перед лицом нетерпимости.

Пролог

Холодный флуоресцентный свет гудел над головой, выхватывая из полумрака облупившиеся кафельные стены. Санитар в выцветшем синем халате, не поднимая глаз, потянул за край плотной простыни. Металлическая каталка тихо скрипнула колесиком. Под грубой тканью показалось лицо дедушки Олега — заострившееся, пугающе неподвижное, совершенно чужое в этой гнетущей пустоте. Седые волосы, всегда аккуратно зачесанные назад перед воскресными встречами, теперь спутались на затылке. На левом виске темнела глубокая, плохо промытая ссадина.

Рука санитара равнодушно сдвинула простыню ниже. На ключицах и впалой груди отчетливо проступали багровые гематомы, странные круглые ожоги и следы ударов. Такие увечья никак не могли появиться от внезапной остановки сердца. В официальном медицинском заключении, зажатом в пальцах, черным по белому значилось: «Острая сердечная недостаточность. Естественные причины». Тонкий лист бумаги предательски задрожал. Тишина морга давила на барабанные перепонки тяжелым прессом. В этой абсолютной тишине ложь звучала громче милицейской сирены.

Дедушка никогда не жаловался на сердце. В свои семьдесят он легко проходил километры вдоль реки с удочкой, часами возился с рассадой на балконе и обладал таким ровным, спокойным дыханием, что рядом с ним утихали любые тревоги. Его вера в Бога была тихой,

но прочной, как корабельный канат. Теперь канат его жизни был перерублен армейскими берцами, дубинками и чьей-то жестокой бессмысленной волей.

Санитар отвернулся к металлическому столику, зашуршав страницами толстого регистрационного журнала. Капля воды сорвалась с неисправного крана в углу, звонко ударившись о ржавую раковину. Этот резкий звук стал точкой отсчета. Воздух со свистом вырвался из легких. Оцепенение, державшее тело целую неделю с момента того страшного утреннего обыска, внезапно улетучилось. Отчаяние уступило место холодному расчетливому анализу.

В памяти всплыли обрывки недавних новостей, презрительные реплики дикторов по телевизору, газетные заголовки, клеймящие мирных верующих опасными экстремистами. Кто-то методично и целенаправленно создавал этот образ врага, кто-то отдал приказ вломиться в квартиру к пенсионеру с автоматами. Документ с фальшивым диагнозом лег на край каталки рядом с ледяной рукой дедушки. Нужно было узнать правду, найти тех, кто превратил доброго, читающего Библию старика в мишень для государственного террора.

За дверями морга шумела утренняя Москва. По проспекту неслись автомобили, спешили на лекции студенты, открывались кофейни. Обычный мир продолжал жить, не замечая, как в его подворотнях, за закрытыми дверями изоляторов, раскручивается маховик жестокости. Шаги по гулкому коридору цокольного этажа звучали ритмично и твердо. Юридический факультет научил работать с документами, искать причинно-следственные связи и не верить словам без доказательств. Если система попыталась скрыть убийство за стандартной медицинской справкой, значит, система боится огласки, и эта огласка станет первым шагом к справедливости.

Глава 1. Прерванный полет

Семь утра в Москве — это время, когда город еще не успел окончательно стряхнуть с себя серую дымку сна, но уже начинает лихорадочно пульсировать в предвкушении дневной суеты. В квартире на четырнадцатом этаже в это время всегда пахнет одинаково — свежесваренным цикорием. Дедушка Олег не пил кофе — берег сердце. Он любил поговаривать, что кофе — это «пустой шум для нервов», предпочитая свой ритуал: неспешное размешивание темной жидкости в старой фаянсовой кружке со сколом ровно по десять кругов в каждую сторону. Олег Викторович был человеком старой закалки, из тех, кто верил, что порядок в вещах неизбежно приводит к порядку в мыслях.

Яна стояла у окна в большой комнате, опираясь ладонью на подоконник. Правая нога медленно поднималась в безупречном девелопе, мышцы привычно отзывались тупой, почти сладкой болью. Балет научил ее многому, но главное — он научил контролировать каждый миллиметр своего тела, когда внутри все кричит от усталости. В университете, на юрфаке, однокурсники удивлялись ее выдержке на многочасовых лекциях по теории государства и права, не понимая, что после десяти лет у станка любая умственная нагрузка кажется отдыхом.

— Яна, детка, овсянка готова, — негромкий, чуть хрипловатый голос дедушки донесся из кухни.

Яна замерла в арабеске еще на несколько секунд, глядя на то, как первые лучи солнца цепляются за шпили высоток. В этом ощущалось что-то упоительное: лететь над городом, чувствуя себя невесомой, почти прозрачной. Это был ее полет, ее личный побег от гравитации. Наконец Яна опустила ногу и накинула на плечи старый уютный кардиган.

— Иду, дедуль! — крикнула она, стараясь придать голосу бодрости, хотя внутри копошилось странное, неясное беспокойство.

На кухне все было как обычно. Дедушка Олег, в своей неизменной отглаженной рубашке, сидел за столом. Перед ним лежала раскрытая Библия — его вечный спутник, книга, которая прошла с ним через десятилетия, включая те страшные годы, о которых он рассказывал неохотно и только когда сумерки за окном становились совсем густыми.

Яна считала своего дедушку удивительным человеком. Единственный, кто остался у нее после той автокатастрофы, которая забрала родителей из этого мира, когда ей было всего пять. Она помнила только обрывки: мамин смех, запах ее духов «Красная Москва» и папины сильные руки, подбрасывающие к небу.

Дедушка Олег заменил ей всех. Он, бывший инженер с умом шахматиста и сердцем ребенка, растил внучку в мире, где доброта считалась высшей ценностью, а не признаком слабости.

— Яна, ты сегодня какая-то бледная, — заметил он, внимательно глядя на девушку поверх очков. — Опять полночи читала свои детективы?

Яна улыбнулась, садясь напротив и принимаясь за кашу.

— Виновен, ваша честь. Нашла старое издание Агаты Кристи — не могла уснуть, пока не узнала, кто убийца.

Дедушка Олег тихо рассмеялся, и морщинки у его глаз собрались в знакомый согревающий узор.

— В жизни, Яночка, злодей редко оставляет такие явные улики, как в твоих книжках. Но важнее другое... Помнишь, что мы читали вчера в Послании к Римлянам? О том, что нужно побеждать зло добром?

— И еще, что мы — части одного тела, — добавила Яна.

— Если одному больно, то и всем плохо, а если кто-то радуется, то с ним радуются и все остальные. Значит, если мы поможем кому-то стать капельку счастливее или просто поступим по-доброму, то и всему «телу» станет чуточку легче дышать. Правильно?

Дедушка довольно улыбнулся и посмотрел на внучку с какой-то особенной теплотой.

Яна не была такой верующей, как дедушка: ее мир состоял из кодексов, юридических прецедентов и строгих балетных па. Но она искренне восхищалась его верой. Ей нравилось, что это не была фанатичная, крикливая набожность; это была тихая, глубокая река. Его община, Свидетели Иеговы, для Яны всегда была синонимом безопасности. Когда в квартире прорвало трубу, а дедушка был в больнице, трое мужчин из их собрания приехали через полчаса и все починили, не взяв ни копейки. Когда ей нужны были учебники для первого курса, которые стоили целое состояние, кто-то из братьев просто принес их в пакете, сказав: «Пользуйся, Яночка, знания — это свет».

Они всегда были мирными. Пожалуй, самыми мирными людьми из всех, кого она знала. Не курили, не пили, не сквернословили и отказывались брать в руки оружие даже под угрозой тюрьмы. Дедушка Олег уже прошел через это в советское время — пять лет в лагерях за отказ идти в армию по соображениям совести. Он рассказывал о лесоповалах так, будто это была обыкновенная работа, но Яна видела его шрамы на руках и то, как он иногда вздрагивал во сне.

— Дедуль, а почему тебя так тянет на рыбалку именно в выходные? — спросила Яна, чтобы сменить тему.

— Рыбалка — это время для молитвы и тишины, — ответил дедушка, аккуратно закрывая книгу. — И потом, я обещал Марку Петровичу привезти окуней, он совсем занемог, бедняга. Мы должны поддерживать друг друга.

Он встал, чтобы убрать посуду, и в этот момент в дверь постучали. Это не был обычный стук соседа или почтальона, это был тяжелый, раскатистый грохот, от которого задрожали стекла в серванте.

— Откройте! Полиция! — крикнули за дверью.

Голос был холодным, лишенным человеческих интонаций.

Дедушка Олег медленно побрел к входной двери. Он не выглядел испуганным, скорее, бесконечно усталым, будто он ждал этого момента всю свою жизнь и одновременно надеялся, что он никогда не наступит.

Яна вскочила, опрокинув стул, и бросилась за ним в прихожую. Прагматичный мозг юриста лихорадочно заработал. Седьмой час утра. Обыск? Задержание? На каком основании? Внутренний голос подсказывал: это ошибка, это просто нелепое недоразумение.

— Кто там? У вас есть ордер? — крикнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Вместо ответа последовал сокрушительный удар. Новая дверь, которую дедушка Олег ставил с такой гордостью, распахнулась настежь, а замок разлетелся на куски. Грохот был такой силы, что Яну отбросило к стене. В квартиру ворвались люди в черном камуфляже, масках, с автоматами наперевес. Их было много — целая толпа.

— На пол! Всем на пол! — орал кто-то прямо ей в ухо.

Яну грубо схватили за плечи и толкнули вниз. Девушка упала на колени, обдирая кожу о крошки бетона. Ее балетные ноги, которые она так берегла, теперь были прижаты к грязному линолеуму тяжелым армейским ботинком. Дедушку Олега рывком повалили всего в паре метров от нее. Его бросили лицом вниз, и один из омоновцев придавил ему спину коленом. Дедушка тяжело хрипел, его щека была прижата к полу.

— Что вы делаете?! — закричала Яна, пытаясь поднять голову. — Это частная собственность! Вы нарушаете 25-ю статью Конституции! Я студентка юридического факультета и знаю свои права!

Один из оперативников, видимо, их старший, невысокий мужчина в штатском с лицом, похожим на стертую монету, посмотрел на нее с ленивым презрением.

— Заткнись, девочка. Твои права закончились там, где начался экстремизм.

В последнее время Яна всё чаще натывалась на тревожные новости об ухудшении отношения к Свидетелям Иеговы и росте нетерпимости к религиозным группам. Но экстремизм?! Какое отношение это страшное, кровавое слово имеет к ней, к дедушке, который подкармливал бродячих кошек, читал Библию и мастерил игрушки из подручных материалов для соседских детей?

— Олег Викторович? — спросил оперативник, глядя сверху вниз на дедушку, который пытался вдохнуть воздух. — Вы задержаны по подозрению в организации деятельности экстремистского сообщества, — скороговоркой выпалил он, доставая какие-то бумаги. — Начать обыск!

Яна смотрела, как они начали громить квартиру. Это не был обыск в том смысле, который они изучали на лекциях по уголовному процессу, — это был санкционированный погром. Они вытряхивали вещи из тумбочек, срывали шторы, топтали ногами ее балетные пачки, которые лежали на диване. Полки с книгами пустели в считанные секунды: классика, учебники — всё летело на пол.

— Где литература? — рявкнул один из омоновцев, выкидывая содержимое ящиков комода. — Где запрещенка?

Они нашли дедушкин «Новый завет» — тот самый дорожный экземпляр в потрепанном кожаном переплете. Оперативник-«стертая монета» взял его двумя пальцами, как дохлую крысу.

— Вот оно — вещдок номер один. Опиум для народа с экстремистским подтекстом.

— Это слово Бога! — не выдержала Яна, пытаясь подняться. — Там нет ничего экстремистского! Вы хоть читали его?

— Молчать! — ее снова придавили к полу, и тяжелый ботинок наступил на ладонь, вдавливая пальцы в пол. Боль в руке стала острой, пульсирующей. Она видела, как дедушку подняли на ноги, грубо развернули лицом к стене и начали надевать наручники. Его старые суставы хрустнули, и он едва заметно поморщился.

— Дедушка! — закричала Яна, преодолевая боль, и слезы, которые она так долго сдерживала, наконец брызнули из глаз. — Отпустите его! Ему семьдесят лет! У него давление!

— Думаешь, раз он старенький и добренький, то безобидный? — криво усмехнулся старший. — Эти сектанты хуже бандитов. Бандита хоть видно, а эти в души лезут.

Дедушка Олег тяжело дышал, лицо побледнело, на скуле наливался синяк от удара о пол. Но в глазах не было страха, только глубокая, затаенная боль и сострадание. Он посмотрел на Яну.

— Не плачь, детка, — дедушка повернул голову, насколько мог. — Помни, что я тебе говорил: истина всегда проходит через тернии. Будь сильной.

— Пошли, святоша! — его толкнули к выходу.

Ее дедушку, который никогда в жизни не обидел даже мухи, вели по коридору как опасного преступника — серийного убийцу или террориста. Квартира, которая еще полчаса назад была ее садом, ее убежищем, превратилась в чудовищный театр абсурда.

Человек в штатском задержался в дверях. Он посмотрел на девушку, все еще лежащую на полу, и брезгливо скривился.

— Советую тебе, студентка, забрать документы из вуза — с такой родней тебе в юриспруденции делать нечего. Экстремисты — это не люди, это раковая опухоль, а мы — хирурги.

Он вышел, и дверь сиротливо качнулась. Наступила тишина. Яна продолжала лежать на полу, уткнувшись лбом в холодный линолеум. В груди, перекрывая горло, надувался огромный колющий шар паники. Она попыталась вдохнуть, но легкие словно склеились, отказываясь принимать воздух. Ее тело тряслось в мелкой постыдной дрожи, она чувствовала, как разум капитулирует перед этим абсурдным жестоким насилием. И тут, где-то на самой периферии шока, проснулось *то*, что вколачивали в нее годами через слезы и вывихи: ее задыхающийся всхлип наткнулся на балетную дисциплину дыхания. Диафрагма, привыкшая работать в тесном корсете, когда воздуха катастрофически не хватает на финальном па-де-де, сработала автоматически. Ребра расширились, заставляя легкие раскрыться вопреки спазму. Один глубокий, контролируемый вдох носом, задержка, плавный выдох через плотно сжатые губы. Раз, два, три, четыре — замри. Раз, два, три, четыре — выдох.

Этот ритм, отточенный тысячами упражнений, стал единственной точкой опоры в хаосе. Мышцы спины, вымуштрованные держать ось, когда всё остальное тело горит от боли, сами начали выталкивать ее позвоночник вверх. Она не принимала решения встать — ее тело просто не умело долго оставаться бесформенным мешком костей на полу.

Яна поднялась на колени, а затем села на пятки. Пальцы, на которые наступил омоновец, пульсировали багровой болью, но балет приучил ее выносить и не такое — стертые в кровь пальцы в пуантах были нормой, а не поводом для остановки. Эта привычная, понятная боль неожиданно помогла ей заземлиться: это ощущение была реальным, в отличие от того безумия, которое только что произошло.

Яна обвела взглядом разгромленную квартиру. В голове по-прежнему царил вакуум: ни одной мысли о том, куда бежать, кому звонить и как спасти дедушку. Она была абсолютно потеряна, но физически больше не билась в истерике.

Это был ее первый урок «практической юриспруденции». Урок, который не преподают в аудиториях МГУ, урок о том, что закон может быть дышлом, а справедливость — лишь красивым словом в учебнике, если у тех, кто стоит за законом, в руках автоматы, а внутри — пустота.

Ей вспомнились слова дедушки о том, что терновый венец — это не только символ страдания, но и символ победы над смертью. Полет был прерван, но балетная выправка не позволила ей окончательно исчезнуть в этой пустоте. Через тернии — к звездам? Скорее, через тернии — к правде.

Глава 2. Решение

Порядок в вещах неизбежно приводит к порядку в мыслях. Теперь, среди вывернутых наизнанку ящиков и разбросанных книг, этот постулат казался единственной соломинкой, за которую можно было ухватиться, чтобы не соскользнуть в глухую бездну безумия.

Яна начала с кухни. Первым делом нужно было собрать осколки фаянсовой кружки — той самой, из которой дедушка Олег каждое утро пил свой цикорий. Крупные фрагменты с синими цветами ложились в ладонь неохотно, жала острыми краями. Казалось, вместе с этой кружкой разбилась и их жизнь — спокойная привычная, полная маленьких радостей и светлых надежд. Тут же валялась выпотрошенная аптечка; таблетки от давления, которые он принимал каждое утро, были рассыпаны по полу. Они не дали ему взять лекарства с собой. «Там вылечат», — бросил один из них.

Линолеум Яна терла так, словно пыталась стереть саму память о том, что по нему ступали тяжелые армейские ботинки. Ее взгляд упал на зеркало: оно не разбилось, но по нему прошла длинная трещина, разделившая ее отражение надвое. Разобравшись с кухней и прихожей, она пошла исследовать, что уцелело в остальной части квартиры. Комната дедушки, всегда напминавшая старую библиотеку, где каждая пылинки знает свое место в строгом академическом строю, теперь скорее походила на потерпевшее крушение судно. Яна стала собирать дедушкины бумаги, тетради с записями, методично складывая их на место. Постепенно стеллажи снова наполнились книгами, хотя многие теперь стояли не в прежнем порядке. Это была новая иерархия — иерархия выживших после шторма. Некоторые его вещи, папки с делами, которые он вел тщательно, как адвокат, были изъяты, оставив на полках зияющие пустоты. Приведя дедушкину комнату в порядок и оставшись довольной результатом, Яна наконец взялась за свою. Ее студенческий билет, зачетка, паспорт — всё, что не успели или не захотели изъять — были разбросаны по полу. Но самым страшным был угол, где висели сценические костюмы. Громилы в камуфляже не побрезговали даже ими. Одна из пачек — та самая, для «Жизели», невесомое облако из тюля и органзы — валялась на полу. На белоснежном слое сетки отчетливо виднелся след от грязного армейского ботинка. Она взяла пачку в руки и начала бережно счищать грязь сухой щеткой.

Пока тело выполняло механическую работу, мозг, натренированный на изучении кодексов, начал переключаться в режим холодного анализа. *«Статья 144 УПК РФ — порядок рассмотрения сообщения о преступлении... Статья 182 — основания и порядок производства обыска»*, — пронеслось в голове. — *«Статья 286 УК РФ — Совершение действий, явно выходящих за пределы полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан»*.

Яна представила, как произносит это в суде: ее голос звучит четко, как удар пуанта о паркет. Но воображаемый судья лишь скучающе перелистывает дело, а за его спиной стоят те же люди с автоматами, лица которых скрыты за масками. *«Статья 25 Конституции РФ — неприкосновенность жилища... Статья 144 УПК РФ — порядок рассмотрения сообщения о преступлении... Статья 182 — основания и порядок производства обыска...»*.

Слова из учебников продолжали всплывать в сознании аккуратными шрифтами, но они казались мертвыми, как латынь. Эти формулировки были созданы для мира, где существует логика и право, но в мире «черного камуфляжа» они превращались в пустой звук. Как объяснить кодексу, что неприкосновенность ее дома была растоптана не просто юридически, а физиологически? Верховенство права пасовало перед реальностью силы. Закон был партитурой, но дирижер сошел с ума и заставил оркестр играть какофонию. Столкновение теории и практики оказалось болезненным. Юриспруденция в учебниках была похожа на классический балет: строгие правила, четкая геометрия, предсказуемость финала. Если ты делаешь *fouetté* правильно — ты остаешься на месте. Если ты соблюдаешь закон — ты в безопасности.

Ложь.

Сегодня она поняла, что живет в пространстве импровизационного хоррора. Здесь не было правил — только воля того, кто держит в руках ордер. Ее знания — статьи, кодексы, прецеденты — оказались картонным мечом. Яна могла размахивать ими сколько угодно, но они были бессильны перед реальностью, в которой дедушку, безобидного старика с подорванным здоровьем, уводили в наручниках под конвоем. Они увезли его, увезли неизвестно куда. Неужели это происходит на самом деле? Неужели система, которая должна защищать людей, превратилась в машину террора? Нужно было что-то делать — идти в полицию, звонить адвокатам, писать жалобы. Но куда идти? Кому звонить? Если сама система отдала приказ на этот арест, кто будет ее слушать? Та система, которая разрушала семьи, ломала судьбы, сеяла страх и ненависть. Вспомнились истории, которые она читала в сети, о том, как полиция приходила в дома к верующим, которых избивали, пытали, бросали в тюрьмы.

История супругов Лубиных из Шадринска... к ним тоже пришли ранним утром. Во время обыска у жены случился инсульт, а мужа-инвалида, который едва мог передвигаться, отправили в СИЗО, где он мучился от боли. А потом были суды, где следователи допрашивали глухих и слепых стариков, подтасовывая протоколы.

Вспомнился недавний разговор с однокурсником. Он рассказывал о статье в интернете, где Свидетелей Иеговы называли «опасной сектой», «агентами влияния», «разрушителями семей». Тогда Яна отмахнулась от этого, посчитав бредом. Но теперь этот бред ворвался в ее жизнь, разрушив ее до основания. Ярлык! Вот в чем дело. Кто-то целенаправленно навешивал эти ярлыки, создавал образ врага, разжигал ненависть в обществе. И этот «кто-то» должен ответить за то, что произошло сегодня утром. Они думают, что могут врваться в дома, избивать стариков, ломать жизни и оставаться безнаказанными. Думают, что никто не посмеет им противостоять. Но они ошиблись. Она — будущий юрист. Она знает не только законы, но и то, как искать информацию. И знает, что правда на ее стороне.

Яна подошла к столу, где лежал ее телефон. Несмотря на внутреннюю решимость, руки предательски дрожали, когда она набирала номер адвоката, которого ей советовали на кафедре уголовного права. Гудки казались бесконечными. Наконец, на том конце провода раздался сонный голос:

— Да? Слушаю.

— Здравствуйте, — голос Яны дрожал, но она заставила себя говорить твердо. — Мне нужна ваша помощь. Моего дедушку только что арестовали и увезли неизвестно куда. Обвиняют в экстремизме.

На том конце повисла пауза. Затем адвокат тяжело вздохнул:

— Свидетель Иеговы?

— Да.

— Понятно. Приезжайте в офис завтра к девяти, посмотрим, что можно сделать. Но предупреждаю сразу: дела эти... сложные. Система работает как каток.

— Я знаю, — ответила Яна. — Но не сдамся.

В многострадальную дверь, которая не замыкалась на ключ после утреннего визита незваных гостей, снова постучали. Не так громко, как в первый раз, но настойчиво. Яна вздрогнула, но не отступила, тихо подойдя к двери и посмотрев в глазок.

На площадке стояла соседка, тетя Маша. В халате, с растрепанными волосами, она испуганно озиралась по сторонам. Яна открыла дверь.

— Яночка, деточка, что случилось? — зашептала соседка, заглядывая в разгромленную квартиру. — Я слышала шум, крики... Милиция приезжала?

— Да, тетя Маша. Они забрали дедушку.

— О Господи! — соседка всплеснула руками. — За что?! Он же мухи не обидит! Такой хороший человек, всегда здороваётся, всегда поможет...

— За то, что он Свидетель Иеговы, — жестко сказала Яна.

Тетя Маша побледнела и отшатнулась. В ее глазах мелькнул страх, тот самый страх, который система так усердно насаждала в обществе.

— Свидетель... Иговы? — пролепетала она. — Но по телевизору говорили... что они сектанты... что они опасные...

— Мой дедушка опасный? — Яна посмотрела соседке прямо в глаза. — Тот самый дедушка, который вам кран чинил на прошлой неделе? Тот самый, который вам рассаду на дачу давал? Он опасный?

Тетя Маша отвела взгляд, она не знала, что ответить. В ее голове боролись два образа: образ доброго соседа Олега Викторовича и образ страшного «сектанта», навязанный пропагандой.

— Я... я не знаю, Яночка... Это все так страшно... — она попятилась к своей двери. — Ты держись, деточка... Если что нужно... обращайся...

Она быстро скрылась за своей дверью, щелкнув замками.

Яна горько усмехнулась. Вот она, сила пропаганды: люди готовы верить телевизору больше, чем собственным глазам, готовы отвернуться от соседа, которого знали много лет, только потому, что кто-то назвал его «сектантом».

«Преследования не ограничились нападками со стороны СМИ и насилием со стороны обычных граждан», — вспомнились строки из недавно прочитанной статьи. — «Вскоре после этого прибыли правоохранительные органы и арестовали родителей...»

Все шло по одному сценарию. Сначала информационная кампания, шельмование в прессе. Потом — изоляция от общества, когда соседи и коллеги начинают отворачиваться. И, наконец, силовой захват. Арест, тюрьма, суд.

И этот сценарий был написан не здесь, не в отделении полиции поблизости. Он был написан кем-то другим. Кем-то, кто сидел в высоких кабинетах и дергал за ниточки, кем-то, кто называл себя «экспертом по сектам».

Яна взяла сумку с конспектами. Сегодня она не пойдет в университет, у нее сегодня другой урок — урок выживания в мире, где закон стал инструментом репрессий, а правосудие — фарсом.

Она вышла из квартиры, кое-как приперев дверь. На лестничной площадке было тихо, только где-то внизу, на первом этаже, хлопнула дверь подъезда.

Яна спустилась по лестнице, вышла на улицу и вдохнула холодный утренний воздух. Город жил своей обычной жизнью. Люди спешили на работу, машины сигналили, дворник мел тротуар. Никто не знал или не хотел знать о том, что произошло сегодня утром в одной из квартир московского дома.

Но Яна знала. И она сделает все, чтобы об этом узнали другие.

Глава 3. Глухая стена

Двери районного отделения внутренних дел были тяжелыми, обитыми выцветшим дерматином. Возле них всегда толпились люди; кто-то курил, кто-то нервно перебирал бумаги. Яна потянула на себя тугую ручку. Внутри ее встретил тусклый свет люминесцентных ламп, гудящих, как рассерженные шмели.

Узкий коридор упирался в стеклянную перегородку дежурной части. Стекло было мутным, покрытым сеткой мелких царапин и пятнами от пальцев. За ним сидел грузный сержант, лениво листая журнал. Телефон на его столе разрывался, но он не обращал на него ни малейшего внимания.

— Здравствуйте, — Яна приблизилась к маленькому круглому окошку в стекле. Ее голос прозвучал глухо, почти потерявшись в гуле голосов других просителей.

Сержант медленно поднял глаза, не отрываясь от журнала.

— Чего надо?

— Мне нужно узнать о судьбе моего дедушки. Его забрали сегодня утром. Олег Викторович...

— Фамилия? — перебил сержант, пододвигая к себе потрепанную тетрадь.

Яна назвала фамилию. Сержант долго водил толстым пальцем по строчкам, шевеля губами.

— Нет такого, — буркнул он, отодвигая тетрадь.

— Как нет? — Яна почувствовала, как внутри все сжалось. — За ним приехал спецназ — люди в черной форме — сказали, что он обвиняется в антигосударственной деятельности.

Сержант усмехнулся, продемонстрировав желтые от табака зубы.

— Спецназ, говоришь? Антигосударственная деятельность? Девушка, ты кино насмотрелась? У нас тут хулиганы, пьяницы, да мелкие воришки. За такими, как твой дед, другие конторы ездят.

— Какие конторы? Куда мне обратиться?

— А я почему знаю? — сержант снова уткнулся в журнал. — Иди в Следственный комитет, в ФСБ... Куда хочешь иди, у нас его нет. Следующий!

К окошку протиснулась пожилая женщина с заплаканным лицом, оттесняя Яну.

— Сынка моего... — начала она всхлипывая.

Яна отошла от перегородки. Воздух в коридоре казался спертый, тяжелый, люди вокруг суеились, кричали, плакали. Она вышла на улицу. Холодный ветер ударил в лицо, заставив поежиться. Нужно было действовать, нужно было искать.

Следующей остановкой был Следственный комитет. Огромное серое здание с колоннами подавляло своим величием. Внутри было тихо, почти стерильно. Никаких толп, никаких криков, только строгие люди в костюмах, снующие по длинным коридорам.

В приемной сидел молодой лейтенант. Он был вежлив, но эта вежливость была холодной, отстраненной.

— Здравствуйте. Я ищу своего дедушку...

Яна снова рассказала свою историю. Лейтенант внимательно выслушал, сделав несколько пометок в блокноте.

— Подождите минуту, — сказал он и скрылся за дверью.

Минута растянулась на десять. Яна сидела на жестком стуле, глядя на пустую стену. В голове крутились обрывки мыслей, страхи, сомнения. А вдруг они его уже... Нет, об этом нельзя думать.

Лейтенант вернулся, его лицо было непроницаемым.

— Вашего дедушки здесь нет, — сказал он ровным голосом.

— Но где же он? Вы должны знать! Вы же Следственный комитет!

— Девушка, я вам сказал: его здесь нет. И никакой информации о нем у нас тоже нет.

— Но это же незаконно! Вы не имеете права скрывать информацию!

Лейтенант слегка прищурился.

— Вы студентка юридического, да? — спросил он с легкой иронией. — Похвально. Но вы должны понимать, что есть дела... скажем так, особого характера. Если ваш дед обвиняется в антигосударственной деятельности, то информация о нем засекречена. Вы ничего не добьетесь, пока не будет официального постановления.

— Засекречена? — Яна почувствовала, как земля уходит из-под ног. — Но он же просто пожилой человек! Он читал Библию!

— Я вам все сказал, — лейтенант отвернулся к своему компьютеру. — До свидания.

Яна вышла из здания Следственного комитета. Голова гудела. Бюрократическая стена, с которой она столкнулась, казалась непробиваемой. Они прятали дедушку, как какую-то государственную тайну.

Она поехала в университет. На кафедре уголовного права было пусто. Преподаватель, пожилой профессор с седой бородкой, сидел за столом, проверяя курсовые работы.

— Яна? Что случилось? — спросил он, увидев ее бледное лицо.

Она рассказала ему все — об утреннем обыске, о спецназе, о бесплодных поисках. Профессор слушал молча, хмуря брови.

— Плохо дело, — сказал он, когда она закончила. — Если за ним приехали с такой помпой, значит, дело серьезное. И то, что тебе ничего не говорят, это только подтверждает.

— Что мне делать? — голос Яны дрогнул. — Я не могу просто сидеть и ждать.

— Писать запросы, — профессор пододвинул к себе лист бумаги. — Официальные адвокатские запросы. Во все инстанции — полицию, прокуратуру, ФСИН, ФСБ. Требовать информацию на основании закона. Они обязаны ответить!

— Но они же могут просто отписаться...

— Могут, — кивнул профессор. — И, скорее всего, так и сделают. Но это оставит документальный след. Если дело дойдет до суда, эти отписки будут доказательством того, что тебе препятствовали в получении информации.

Они просидели на кафедре до позднего вечера. Профессор диктовал формулировки, Яна печатала на стареньком компьютере. Запросы получались сухими, полными юридических терминов, но за каждым словом стояла отчаянная надежда.

— Вот, — профессор протянул ей стопку распечатанных листов. — Завтра с утра отправляй заказными письмами с уведомлением о вручении. И запасись терпением — это будет долгий процесс.

Яна поблагодарила его и вышла из университета. На улице уже стемнело. Город зажегся огнями, превратившись в море света и шума. Но сейчас Яне этот город казался чужим, враждебным.

Она вернулась в пустую квартиру, и тревожные мысли о дедушке хлынули на нее с новой силой. Где он сейчас? Что с ним делают?

Почему система так жестока к тем, кто просто верит иначе? Почему она клеймит их «сектантами», «экстремистами»?

Яна села на диван, обхватив колени руками. В квартире было непривычно тихо, только тиканье часов на кухне отсчитывало время. Время, которое работало против дедушки.

Дни слились в одну бесконечную череду: почта, квитанции об отправке писем, ожидание ответов. Яна ходила на лекции, но не слышала преподавателей — ее мысли были далеко. Она представляла себе дедушку в холодной камере, среди чужих, жестоких людей.

Ответы начали приходить через неделю — сухие формальные отписки. «Ваше обращение рассмотрено... Оснований для предоставления информации не найдено... Дело находится в стадии предварительного следствия...».

Ни слова о том, где он. Ни слова о том, в чем конкретно его обвиняют.

Стена равнодушия оказалась прочнее, чем она думала. Бюрократическая машина работала безупречно, перемалывая человеческие судьбы и не оставляя следов.

Яна снова пошла в Следственный комитет. Тот же лейтенант в приемной, тот же холодный взгляд.

— Я получила ваши ответы, — Яна положила стопку писем на стол. — Это отписки, вы нарушаете закон.

Лейтенант даже не взглянул на письма.

— Девушка, я вам уже говорил: дело засекречено. У нас нет полномочий предоставлять вам информацию.

— А у кого есть?! — Не стоит повышать голос, — лейтенант поморщился. — Идите к адвокату, пусть он пишет ходатайства.

— Я сама будущий адвокат! И я знаю, что вы обязаны...

— Охрана! — лейтенант нажал кнопку на столе. — Выведите гражданку.

Два дюжих охранника в черной форме выросли за спиной Яны. Они взяли ее под руки и вывели из здания.

Она стояла на улице, глотая слезы бессилия. Что еще она может сделать? Как пробить эту глухую стену?

Вечером она снова сидела в пустой квартире. Тишина давила на уши. Она взяла в руки Библию дедушки, ту самую, которую силовики не забрали и бросили на пол. Страницы были помяты, обложка надорвана.

Она открыла ее наугад. Взгляд упал на подчеркнутые строки: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне».

Дедушка не боялся, он верил.

Резкий телефонный звонок разорвал вечернюю тишину. Яна вздрогнула, затем быстро подошла к аппарату и сняла трубку.

— Алло?

— Яна? — голос в трубке был механическим, отрешенным.

— Да, это я.

— Вас беспокоят из следственного изолятора номер...

Яна не услышала номер. Сердце пропустило удар и забилося в бешеном ритме.

— Что с дедушкой? — выдохнула она. — Где он?

— Олег Викторович... — голос на мгновение запнулся, словно сверяясь с бумажкой. —

Он скончался сегодня утром.

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинцовые гири. Скончался.

— Как... скончался? — прошептала Яна. — Что вы такое говорите?

— Острая сердечная недостаточность, — ровным тоном продолжил голос. — Естественные причины. Тело находится в морге при изоляторе. Вам нужно приехать завтра утром с документами для оформления...

Яна не дослушала. Трубка выпала из рук, повиснув на проводе. Короткие гудки отбивали ритм в пустой квартире.

Естественные причины... Сердечная недостаточность...

Ложь! Наглая, бесстыдная ложь! Дедушка никогда не жаловался на сердце. Они убили его. Убили там, в холодной камере, за закрытыми дверями, а теперь пытаются скрыть это за казенными формулировками.

Яна опустилась на пол, закрыв лицо руками. Слезы хлынули из глаз, обжигая щеки. Боль, острая, невыносимая боль пронзила грудь. Она осталась одна. Совсем одна в этом огромном жестоком мире, где система может раздавить человека, как букашку, и никто даже не заметит.

Они будут скрывать, писать фальшивые справки, лгать в глаза. Будут делать все, чтобы правда никогда не всплыла наружу. Но она так легко не сдастся. Она не позволит им уйти от ответственности — найдет тех, кто отдал приказ, кто пытал его, кто написал эту фальшивую справку. Она разорвет эту паутину лжи, пробьет эту глухую стену.

Она поднялась с пола, подошла к столу и включила компьютер. Впереди ждала долгая бессонная ночь, которая может изменить ее жизнь навсегда. Ночь, когда студентка юридического факультета превратится в следователя, который ищет правду в мире, где ее скрывают за семью замками.

Она открыла поисковик. Пальцы зависли над клавиатурой... С чего начать? Где искать тех, кто стоит за этой вакханалией? Вспомнились слова профессора: «Если за ним приехали с такой помпой, значит, дело серьезное». Дело об экстремизме, о сектах. Кто-то должен был дать экспертное заключение, должен был назвать дедушку «сектантом».

Яна ввела в строку поиска: «экспертиза по делам Свидетелей Иеговы». На экране появились десятки ссылок: статьи, интервью, судебные решения. Она кликнула на первую попавшуюся.

«...на основании заключения экспертного совета при Министерстве юстиции РФ...».

Кто входит в этот совет? Кто эти эксперты? Яна начала методично просматривать списки — фамилии, должности, звания. И вдруг она увидела ее — фамилию, которую уже слышала, фамилию, которая мелькала в статьях об «опасных сектах». Дворкин Александр Леонидович, профессор, сектовед.

Она сохранила статью и открыла следующую. Глухая стена дала трещину — маленькую, едва заметную. Но этого было достаточно, чтобы начать действовать.

За окном занимался рассвет нового дня. Она посмотрела на фотографию родителей: они улыбались ей сквозь паутину трещин на стекле.

— Я не сдамся, — прошептала Яна. — Обещаю.

Она выключила компьютер и пошла собираться. Впереди ждал морг — встреча со смертью, которая, как ни странно, могла стать началом новой жизни. Жизни, посвященной поиску справедливости.

Она надела черную куртку, взяла сумку с документами и вышла из квартиры. Шаги по гулкой лестнице звучали ритмично и твердо. Юрфак научил ее многому. Но главный урок ей преподавала жизнь только сейчас: правда — это не просто слово из шести букв. Это оружие, и она научится им пользоваться. Она не остановится ни перед чем, чтобы эта правда стала известна всем.

Она вышла на улицу. Город просыпался. Люди спешили по своим делам, не замечая одинокую фигуру девушки, идущей навстречу своей судьбе, которую она выбрала сама. Пути назад не было. Только вперед — к правде, справедливости, к возмездию.

Глава 4. Точка отсчета

Огромные окна читального зала библиотеки юридического факультета, выходящие на внутренний двор, пропускали тусклый осенний свет, который ложился серыми квадратами на длинные дубовые столы. На одном из таких столов, в самом дальнем углу, высилась стопка распечаток. Законы, постановления Пленумов Верховного Суда, копии приговоров — бумажные баррикады, за которыми Яна пыталась найти логику в происходящем.

Тишину нарушал лишь сухой шелест переворачиваемых страниц да редкое покашливание пожилого аспиранта за соседним столом. Карандаш в руке Яны оставлял жирные черные линии под длинными витиеватыми абзацами канцелярского текста.

«Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ...» — так называемый «Закон Яровой» — пакет антитеррористических поправок, который преподносился обществу как щит от радикалов с бомбами. Яна вчитывалась в формулировки, касающиеся миссионерской деятельности: запрет на проповедь вне культовых зданий, запрет на распространение литературы.

Слова игумены Ксении Чернеги, начальника юридического отдела Московской Патриархии, найденные в одном из интервью того времени, были выписаны в блокнот красной ручкой: «Закон будет применяться в отношении нетрадиционных религиозных объединений».

Не против террористов, готовящих взрывы, а против тех, кто верит «нетрадиционно».

Сравнение дат не оставляло сомнений. Принятие закона в 2016 году стало спусковым крючком, а уже в 2017 году Свидетелей Иеговы признали экстремистской организацией. Государственная машина, получив удобный инструмент, начала методично перемалывать людей.

Но кто вложил этот инструмент ей в руки? Кто убедил депутатов и сенаторов, что бабушки с Библиями опаснее вооруженных боевиков?

Мерцание экрана ноутбука отражалось в уставших глазах. Яна открыла базу данных судебных решений. В строке поиска написала: «Свидетели Иеговы», «экстремизм», «экспертиза». Система выдала десятки результатов. Приговоры из разных регионов, написанные

словно под копирку. И везде, в каждом деле, фигурировали экспертные заключения — именно они ложились в основу обвинения. Следовательно не нужно было доказывать, что человек совершил теракт, достаточно было приложить справку от «эксперта», утверждающую, что его вера деструктивна.

Пальцы быстро забегали по клавиатуре, открывая тексты приговоров. Томск, Новосибирск, Москва, Крым... Внимание привлекло дело из Сибири. В тексте приговора цитировалось заключение религиозоведческой экспертизы. Яна обратила внимание на фамилии экспертов: Заев, Степаненко.

Она скопировала фамилию Степаненко в поисковик. Ссылка привела на форум православных миссионеров. Текст сообщения, датированного 2011 годом, заставил ее замереть.

«Для примера, в 2011 году мною, совершенно «неправильным» и «малообразованным» миссионером (да ещё и коновалом!) написано почти 170 статей, новостных сообщений... организован приезд профессора Александра Дворкина, создан специальный раздел, посвящённый суду над «Бхагавад-гитой как она есть».

Степаненко хвастался своей активностью в информационном поле и связями с Дворкиным. Тем самым Дворкиным, чье имя уже всплывало в ее первоначальных поисках.

Яна открыла новую вкладку, вбила: «Олег Заев, экспертиза, секты».

Результат оказался еще более красноречивым. В одной из статей подробно описывалась схема работы этого «эксперта».

«Он обращается с запросом в центр, а ему советуют: идите туда, где эти “сектанты” арендуют помещение, и заявите, что “у вас арендует секта”. Муж идёт, а ему отвечают: “Откуда вы знаете, что это секта? Это официальная организация...”. Муж возвращается в Центр по сектантству и говорит, что ему требуют справку... Центр сочиняет за ночь бумагу: “В ответ на ваш запрос сообщаем, что такая-то организация ‘признана многими религиоведами тоталитарной сектой’. Прилагаем подтверждающий документ к письму”».

А в качестве подтверждающего документа прикладывались не научные исследования, а «Итоговые документы международной конференции “Тоталитарные секты и демократическое государство” Новосибирск-2004».

Конференции. Не научные труды, не решения судов — а резолюции собраний борцов с сектами. И эти бумажки становились основанием для уголовных дел.

В центре этой паутины, судя по всему, находился один человек — Александр Дворкин.

Яна открыла чистую страницу в блокноте. В самом центре обвела в кружок его фамилию, от нее провела стрелки к фамилиям Заева и Степаненко, затем — к «Закону Яровой».

Поисковик выдал ссылку на сайт организации РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Президент — Александр Дворкин, вице-президент — протоиерей Александр Новопашин.

Сайт выглядел устаревшим, с аляповатым дизайном из нулевых, но контент обновлялся регулярно: статьи, новости, предупреждения об «опасности». Язык публикаций был агрессивным, запугивающим: никакой научной дискуссии — только клеймение и призывы к запретам.

На странице с историей организации значилось, что РАЦИРС была создана в 2006 году на базе Центра религиозоведческих исследований имени священномученика Ириней Лионского, основанного Дворкиным еще в 1993 году.

Двадцать лет... Двадцать лет этот человек методично выстраивал систему.

Яна нашла статью адвоката, доктора юридических наук Анатолия Пчелинцева. Его оценка деятельности Дворкина была резкой:

«Но у нас сегодня сложилась такая практика, что все стали “сектантами”. Дворкин даже выделяет группу коммерческих сект: те, кто занимается так называемым сетевым маркетингом, это тоже сектанты. Целительские организации, народные целители — всё это сектантство. С

моей точки зрения, по тем критериям сектантства, которые он выделяет, вот его группа — это типичная секта, причём тоталитарная».

Тоталитарная секта, борющаяся с сектами — парадокс, который объяснял многое.

Рядом с цитатой Пчелинцева Яна выписала слова юриста Инны Загребинной:

«Борцы с “сектами” в своей “религиозной войне” не гнушаются умышленной, спланированной подтасовкой материалов, искажением фактов и массово тиражируют в общество ксенофобию и религиозную нетерпимость».

Фабрикация экспертиз, разжигание ненависти, лоббирование репрессивных законов.

В блокноте появлялась схема. РАЦИРС — в центре. От нее стрелки расходились к экспертным советам, средствам массовой информации, силовым структурам.

В статье «Скрытые идеологи и реальные бенефициары закона Яровой» этот механизм описывался предельно четко:

«Многолетняя деятельность главы Российской ассоциации центров изучения религий и сект Александра Дворкина была направлена именно на достижение подобных законодательных ограничений. Его выступления, публикации и участие в экспертных структурах последовательно продвигали идею ужесточения контроля над “нетрадиционными” религиозными движениями и ограничения их миссионерской деятельности».

Он не просто писал статьи, он читал лекции.

Поисковый запрос «Дворкин лекции МВД ФСБ» выдал десятки ссылок на региональные новости прошлых лет. «Профессор Дворкин выступил перед сотрудниками полиции...», «Семинар по противодействию экстремизму с участием А. Дворкина прошел в Управлении ФСБ...».

Они сами приглашали его, сидели в залах и слушали, как он рассказывает им, кого нужно считать врагом.

В одной из публикаций приводилась цитата бывшего сотрудника, присутствовавшего на таких мероприятиях:

«Например, на той самой конференции, когда у нас была небольшая дискуссия с Александром Леонидовичем, Алексей тоже выступал. Он говорил, что вот у нас на территории есть такая-то община... есть такая-то община, город такой-то, дом такой-то, квартира такая-то, балкон такой-то, на балконе висит то-то...»

Они собирали картотеку, следили за людьми, записывали адреса. Дедушка Олег тоже был в этой картотеке.

Карандаш с хрустом сломался, оставив на бумаге глубокую царапину. Яна отбросила обломок, дыхание перехватило от ярости. Она вспомнила утренний обыск, лицо командира спецназа, его презрительную ухмылку. «Твой дед обвиняется в организации деятельности экстремистской организации... Эти сектанты хуже бандитов. Бандита хоть видно, а эти в души лезут».

Он говорил не своими словами. Он повторял то, что услышал на лекции Дворкина. Он был всего лишь исполнителем, винтиком в машине, которую завел и направил «скромный профессор сектоведения».

В статье «Как Дворкин Путина развёл» этот процесс описывался как целенаправленное внедрение идеологии:

«2010–2011 годы — это время, когда репрессивный карательный аппарат в России поступил под контроль и управление Александра Дворкина и перенял его идеологию. Помимо тесного сотрудничества с Центром по борьбе с экстремизмом, тоталитарная секта РАЦИРС весь период своего существования — с начала 90-х — активно внедряла свою идеологию среди сотрудников ФСБ и других служб».

Они не просто читали лекции, они вербовали силовиков в свою «секту», убеждали их, что борьба с инакомыслящими — это защита государства. И силовики, привыкшие искать врагов, с радостью принимали эту цель.

Яна открыла книгу Дворкина «Сектоведение». Цитата, приведенная в одном из исследований, поражала своей циничностью. Дворкин описывал методы «тоталитарных сект», но, по сути, давал инструкцию своим последователям:

«Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона... они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к контролю сознания своих собратьев или, в конце концов, оклеветать должностных лиц... По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству».

Это было зеркальное отражение. РАЦИРС приписывала своим жертвам те методы, которые использовала сама: ложь, клевета, фабрикация дел, железная дисциплина внутри ассоциации.

Схема в блокноте обрастала новыми связями. От РАЦИРС стрелки тянулись к Русской Православной Церкви.

В статье «Расцвет секты Дворкина» упоминалось, что еще в 1993 году Московская патриархия начала лоббировать ограничения для конкурентов на «религиозном рынке».

«В декабре 1994 года на Архиерейском Соборе РПЦ МП по этому поводу было принято отдельное определение... Перед энергичным и амбициозным антикультистом открывается гораздо более широкое поле деятельности, да ещё и “с гарантией”. Теперь уже трудно сказать, кто первым использовал понятие “крестовый поход” против иноверцев, но определение очень точное. А Дворкин — лучшая кандидатура на роль возглавляющего такой поход».

Государство, церковь и антикультисты слились в единый механизм, который был направлен на уничтожение любых альтернативных взглядов.

Но почему именно Свидетели Иеговы стали главной мишенью? Яна вернулась к статье «Что стоит за геноцидом Свидетелей Иеговы в России».

«Создавая образ постоянной угрозы в лице “тоталитарных сект” и распространяя язык вражды, антикультисты, по сути, готовят почву для новых военных конфликтов и массовых беспорядков... До сих пор ни один российский суд так и не предъявил доказательств того, что так называемая “экстремистская” организация Свидетелей Иеговы довела кого-либо до смерти».

Они были идеальной жертвой. Мирные, не отвечающие насилием на насилие, отказывающиеся брать в руки оружие. Их было легко обвинить в чем угодно, потому что они не могли себя защитить. А общество, напуганное выдуманной угрозой, молчаливо одобряло репрессии.

В интервью с Ольгой Арслановой Дворкин на вопрос о том, что экстремистского в Свидетелях Иеговы, ответил уклончиво:

«Наверное, нужно дождаться решения суда. Мы не можем его предвосхищать. А суд будет решать, есть там экстремизм или нет».

Он знал, каким будет решение суда, потому что именно его эксперты писали заключения для этого суда.

Внезапно Яна наткнулась на упоминание международной деятельности Дворкина. В 2009 году он стал вице-президентом европейской антикультовой федерации FECRIS. Сеть выходила за пределы России. В статье о чешском антикультовом движении описывалось, как методы РАЦИРС экспортируются в Европу.

«Кроме того, на своей странице Якуб Яхл ссылается на сайт... Следует отметить, что название сайта — “Pomoc obětem sekt” (“Помощь жертвам сект”). Эта формулировка создаёт видимость якобы благих намерений, но на самом деле является умышленной манипуляцией.

Само понятие “жертвы” подразумевает наличие “преступника”, что приводит посетителей сайта к формированию негативного морального суждения в отношении организаций, обозначенных как “секты”...»

Создание фантомных «жертв», чтобы оправдать реальные репрессии. Та же тактика.

А в статье об агентах ФСБ в Европе проводилась прямая параллель между действиями антикультистов и спецслужб.

«Антикультовая сеть агентов РАЦИРС, в какой бы стране они ни находились и какую бы внешнюю игру они ни играли, по сути, действует идентично агентам ФСБ, внешне лишь прикрываясь благими намерениями “защиты общества” и “помощи людям”».

Это была не просто группа маргинальных сектоборцев. Это была мощная, хорошо финансируемая международная сеть, тесно связанная с российскими силовыми структурами.

Яна откинулась на спинку стула, потирая уставшие глаза. Схема в блокноте больше не была наброском. Это была карта структуры, которая убила ее бабушку.

Она вспомнила холодный голос в телефонной трубке: «Острая сердечная недостаточность. Естественные причины».

Естественные причины... Смерть в камере после избиений и пыток.

В статье «Садисты в законе. Тоталитарная секта Дворкина» автор обвинял некоторых представителей государства в потворстве садистским наклонностям антикультистов:

«То есть вместо расследований реальных преступлений государство стало направлять свои деньги и ресурсы на реализацию садистских наклонностей Дворкина... фабрикуя уголовные обвинения против их лидеров, тем самым активно нарушая права граждан, воздействуя на общественное мнение и манипулируя им своей ложью».

Они использовали государственную машину для удовлетворения своих амбиций и комплексов. А люди, такие, как бабушка Олег, становились расходным материалом в их играх.

За окном библиотеки начало темнеть. Студенты постепенно расходились, собирая конспекты. Аспирант за соседним столом с шумом захлопнул толстый том и поднялся.

Яна сидела неподвижно, глядя на исчерканный блокнот. Она нашла причину, нашла тех, кто стоял за арестом, тех, кто создал систему, в которой мирный пенсионер оказался «экстремистом».

РАЦИРС. Дворкин. Экспертные советы. Центры по борьбе с экстремизмом.

Они прятались за высокими словами о защите общества, законами, постановлениями, экспертизами. Они создали бумажный щит, за которым творили беззаконие. Но бумага горит.

Яна закрыла ноутбук, собрала распечатки, аккуратно сложив их в папку. Блокнот со схемой спрятала во внутренний карман сумки. Расследование только начиналось. Теперь она знала имена, методы, знала, как работает этот механизм.

Она вышла из библиотеки в гулкий коридор факультета. Навстречу шли первокурсники, беззаботно смеясь. Они не знали о том, что происходит в стране: о картотеках, экспертизах, утренних обысках. Они жили в иллюзии безопасности, которую система старательно поддерживала, пока перемалывала неудобных.

Яна толкнула тяжелую входную дверь и вышла на улицу. Холодный ветер ударил в лицо, принося запах мокрого асфальта и выхлопных газов. Ей нужно было больше доказательств, больше фактов. Нужно было разобрать эту машину на винтики, показать миру, как именно фабрикуются дела, как ломаются судьбы.

В голове крутилась мысль о судебных экспертизах. Как именно они пишутся? Кто эти люди, которые ставят свои подписи под документами, которые заключают невиновных в тюрьму?

Она достала телефон, экран высветил пропущенный звонок от адвоката. Яна сразу перезвонила.

— Да, Яна, — голос адвоката звучал устало. — Я получил официальный отказ в возбуждении уголовного дела по факту смерти вашего деда. Как и ожидалось, ссылаются на медицинское заключение: естественные причины.

— Я знаю, — ответила Яна, глядя на поток машин на проспекте. — Они будут прикрывать друг друга до последнего.

— Что планируете делать дальше? Мы можем обжаловать отказ в прокуратуру, но шансов мало.

— Обжалуйте. Пусть пишут новые отписки, а я тем временем займусь другим.

— Чем именно?

— Я нашла тех, кто дает им основания для арестов: экспертов, РАЦИРС, Дворкина. Я хочу понять, как они фабрикуют эти экспертизы.

На том конце повисла пауза.

— Яна, — голос адвоката стал серьезным. — Вы лезете в очень опасные дебри. Эти люди... у них огромный ресурс. Они связаны с ФСБ, Патриархией. Это не просто кучка фанатиков, это система.

— Я знаю, — повторила Яна. — И именно поэтому не остановлюсь.

Она сбросила вызов и пошла к метро. Впереди был долгий путь, но теперь у нее была цель: не просто найти виновных в смерти дедушки, а разрушить ту машину, которая сделала эту смерть возможной.

Глава 5. Фабрика ненависти

В библиотеке юридического факультета царила привычная тишина. Высокие стеллажи с потемневшими от времени корешками книг уходили вдоль стен, а за длинными столами редкие студенты молча листали учебники и делали пометки. Но сегодня конспекты по уголовному праву сиротливо лежали на краю стола, придавленные толстым томом комментариев к УПК. Экран ноутбука светился в полумраке читального зала, высвечивая на лице Яны резкие тени.

Пальцы быстро скользили по тачпаду, прокручивая страницу за страницей. Вчерашнее открытие — связь между Александром Дворкиным, организацией РАЦИРС и экспертизами, лежащими в основу уголовных дел, — не давало покоя. Нужно было понять, как именно работает этот механизм: как слова, сказанные на лекциях или написанные в сомнительных статьях, превращаются в реальные сроки, сломанные судьбы и смерти в камерах СИЗО.

Яна открыла папку с сохраненными материалами. Взгляд упал на статью с броским заголовком: «РАЦИРС по вызову, или как Дворкин отобрал у матери ребёнка». История Елены Брессем — женщины, у которой отняли сына на основании справки, выданной «сектоведами». Текст статьи изобилдовал цитатами, и Яна вчитывалась в каждую, пытаясь за сухими строчками разглядеть живого человека.

Елена Брессем, независимый партнер компании Herbalife, ушла от мужа, забрала двоих детей, переехала в Москву, собиралась выйти замуж. Обычная житейская история, коих тысячи. Но бывший муж, узнав о переезде, решил отомстить и нашел для этого идеальный инструмент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.